

проговаривания. Диалогизованная внутренняя речь имеет ряд разновидностей.

Большинство ее форм предназначено внешнему адресату и является продолжением «при закрытых дверях» обычной речевой деятельности. Внутреннее проговаривание нередко обращено к реальным лицам, входящим в круг общения субъекта. Оно характеризуется определенным набором коммуникативных целей. К ним относятся жалобы, сетования, хвастовство, признания, исповеди, самооправдания, упреки, объяснения, продолжения ссор и споров и т. п. Некоторые из приведенных установок (жалобы, хвастовство, признания) замыкаются говорящим. Они не требуют непосредственной словесной реакции от адресата и рассчитаны скорее на определенную психологическую отдачу, источником которой должно быть другое лицо, что способствует их интериоризации и вместе с тем сохраняет обращенность к фиктивному адресату. Этот тип внутренней речи вылился в литературные жанры сказа и исповеди, приведшие в конечном счете к литературе «потока сознания», отделившей сознательное, а иногда и полусознательное от прочих составляющих психики. Иные коммуникативные цели предполагают реакцию адресата, которая иногда включается субъектом проговаривания во внутреннюю речь, приобретающую форму двухагентного диалога. Таковы психологические продолжения реальных коммуникативных ситуаций — споров, объяснений, ссор.

Другие виды интериоризованных речевых актов самоадресованы, вследствие чего они вызывают распад личности на двух иерархически неравных собеседников. Так, побуждения, уговоры, обещания, связанные с последующим поведением, этические приговоры и самооценки (в основном отрицательного плана) исходят как бы от «вышестоящей инстанции, воплощающей разум или здравый смысл, мудрость или справедливость, волю или самоконтроль, и адресуются к субъекту внутреннего проговаривания как средоточию безумия, пороков и слабостей. Например. *«Скотина! Хайван — что ты, что твой верблюд! Сволочь! Собака! Дурья голова»* — и еще в том же духе, перемежая их крепким матом, бичевал себя, утраивал и оскорблял, чтобы отрезветь, одуматься, остановиться» (Ч. Айтматов). Бранная лексика, ориентированная, как отмечалось на «второе лицо», в самоадресованной речи эту связь часто сохраняет, но при выносе речи на адресата-свидетеля второе лицо естественно должно быть перекодировано на первое.

Третий вид речевых актов — просьбы, мольбы о прощении, обеты, зароки, вопросы типа «как быть?» и «как жить?», вербализованные вздохи и высокие порывы — адресуются высшему существу или высшей силе, и это, возможно, составляет независимую от вопросов веры характеристику определенного типа внутренней речи. К этой же категории можно отнести и те компромиссы, которые люди стремятся заключить с судьбой.

Наконец, четвертый тип диалогизованного проговаривания — его вопросно-ответное построение, равно как реализация принципа «за и против», по-видимому, не создает двухагентной ситуации, отражая стандартизованную диалектику обдумывания. Лишь тогда, когда дело касается несовместимых нравственных установок, внутренняя речь приобретает характер подлинного диалога, в котором контрагент, а иногда и оба идейных противника могут быть персонифицированы. Этот способ показа внутреннего мира героев, как хорошо известно, получил после Достоевского широкое распространение в литературе.

Нисколько не претендуя на полноту описания диалогических форм внутренней речи, мы хотим подчеркнуть, что она имеет свою прагматику, в которую входит не только говорящий, но и адресат, а следовательно, иллюкативные силы могут сохраняться и в некоммуникативных условиях. Однако состав психологической прагматики этим не исчерпывается. Если в прагматику внешней речи входит автор и его речевое действие (говорение), вследствие чего перформативы типа *я говорю* в ней излишни, то в